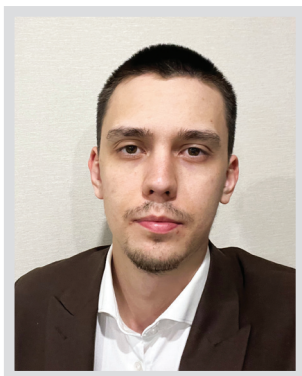

УДК 340

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-210-213

Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении системности конституционных терминов

Хабибуллин А.Р.Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье исследуется практика Конституционного Суда Российской Федерации, играющего, по мнению автора, ключевую роль в систематизации конституционных терминов, а также обеспечении конституционализации юридической терминологии. Целью исследования выступает выявление теоретических и практических аспектов системности конституционных терминов. Для достижения поставленной цели необходимо разрешить ряд взаимосвязанных задач: раскрыть основные формы проявления системности конституционных терминов, определить содержание понятия «конституционный термин», а также установить их основные разновидности. В результате проведенного исследования предложено авторское понятие «конституционный термин», обоснованы его основные разновидности (однокомпонентные, многокомпонентные), выявлены основные признаки их системности.

Ключевые слова: юридический термин, конституционный термин, системность конституционных терминов, Конституционный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Хабибуллин А.Р. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении системности конституционных терминов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 210-213. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-210-213.

Конституция представляет собой не только источник права, обладающий особо значимой юридической силой, закрепляющий государственный суверенитет, права и свободы граждан вкупе с их обязанностями и гарантиями, а также основополагающие принципы общественного строя и организации публичной власти [1, с. 26], но и официальный документ, содержащий термины, обороты и словосочетания, которые встречаются практически во всех сферах и видах профессиональной юридической деятельности.

Иными словами, конституционные нормы, из которых складывается нормативное содержание конституции, структурируются с помощью специальной юридической терминологии, формирующей язык основного закона. Более того, используемые в конституции термины, как справедливо отмечает А.В. Анцифиров, идентичны или созвучны иным

лексическим формам, используемым в других отраслях права [2, с. 24].

В специальной литературе под термином понимаются «специальные слова, ограниченные своим особым назначением, установленные для однозначного и точного выражения понятия посредством формулирования отличительных критериев обозначаемого понятия от других» [3, с. 319].

В свою очередь, юридический термин трактуется как «элемент юридической техники, словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [4]; «слово (или словосочетание), точно обозначающее соответствующее правовое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения» [5, с. 10]; «слово или устойчивое

словосочетание, которое унифицировано употребляется в тексте нормативного правового акта, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью (моносемичностью), функциональной устойчивостью» [6, с. 13–14] и пр.

Исходя из вышеизложенного, конституционный термин можно рассматривать как элемент юридической и одновременно конституционной техники, лексическое обозначение правовых, а также конституционных понятий, с помощью которых выражается и фиксируется содержание государственно-властных предписаний, обладающих верховенством, наивысшей юридической силой в правовой системе государства.

Как известно, любые специальные термины, включая конституционные, должны соответствовать общим требованиям функционирования научной терминологии, к которым прежде всего относится системность [7, с. 235].

Так, системность юридических терминов, по мнению В.А. Толстика, выражается в том, что «они должны находиться в состоянии иерархичности, взаимосвязи, взаимодействия и непротиворечивости друг другу» [8, с. 302–307]. В данном контексте конституционные термины отражают системность как общепризнанное свойство права, его структурных подразделений, а также внешних форм выражения правовых норм.

Системность конституционных терминов выражается в том, что им полагается находиться во внутренних взаимоотношениях согласованности, если речь идет о структуре и содержании самого основного закона, а также во внешних связях согласования с иными официальными правовыми документами, обеспечивающих их единообразное понимание и применение в иных отраслевых источниках и юридических практиках.

Как полагает С.В. Гунич, семантическая сущность конституции раскрывается, главным образом, в текущем законодательстве [9, с. 46]. Для этих целей, к примеру, в содержание законодательных актов нередко включаются дефинитивные нормы. Однако не менее эффективным средством в устранении концептуального расхождения в трактовке конституционных терминов, к которым обращаются субъекты правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности, выступает конституционное правосудие.

Обеспечивая единообразное понимание конституционных терминов, Конституционный Суд Российской Федерации обращается к нескольким юридико-техническим приемам.

Во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации вправе определять форму, объем и содержание конституционного термина. Так, в своем

Постановлении от 27.01.1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» [10] Конституционный Суд квалифицировал словосочетания «система федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти», «структура федеральных органов исполнительной власти» в качестве понятий, определив тем самым наличие в Конституции Российской Федерации многокомпонентных конституционных терминов (конституционных терминов-словосочетаний).

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации использует и закрепляет в тексте итоговых решений судебные конструкции, идентифицирующие юридическую терминологию, одной из которых является конструкция «конституционное понимание». В частности, в своем Постановлении от 23.12.2013 г. № 29-П [11] Конституционный Суд фиксирует конституционное понимание сущности и содержания права наследования, предусмотренного ч. 4 ст. 35 Конституции России, а также способов осуществления составляющих его правомочий, отметив его призвание гарантировать каждому, что приобретенные им при жизни имущество и иные материальные блага (с имеющимися в отношении них обременениями) после его смерти перейдут к его наследникам, согласно его воле как наследодателя, либо, если он ее не выразит, согласно воле закона, которая в данном случае презюмируется как соответствующая личной воле наследодателя.

В-третьих, используя межсистемные взаимосвязи конституционных норм, а значит, и лексических форм, имеющих в их составе, Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает правовое содержание одного или нескольких взаимосвязанных конституционных терминов. Так, согласно Определению от 05.07.2001 г. № 135-О [12] и Определению от 16.11.2006 г. № 496-О [13] Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой понятием «семья» – наряду с понятиями «материнство», «детство», «отцовство» – охватывается, как следует из сопоставления ст. 38 (ч. 1) Конституции Российской Федерации с положениями ее ст.ст. 7 (ч. 2), 23 (ч. 1) и 72 (п. «ж» ч. 1), особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое конкретизируется в нормативных правовых актах федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В-четвертых, Конституционный Суд Российской Федерации констатирует полисемантическую (многозначную) природу отдельных конституционных терминов, подтверждая тем самым их принадлежность к группе концептуальных категорий. Это связано с тем, что Конституционный Суд РФ выступает не только субъектом предметно-практической, но и научно-познавательной деятельности, обладающим

определенной свободой усмотрения в выборе той методологии, которая позволяет выявить смысл и содержание любой конституционной лексической формы.

К примеру, одной из общих правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, отмечающих, на наш взгляд, открытый характер таких, с одной стороны, концептуальных категорий, а с другой – конституционных терминов, как семья, материнство и детство, выступает следующая: «Семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства» [14]. Как видно из вышеизложенного, Конституционный Суд РФ использовал исторический и аксиологический подходы к уяснению смысла и содержания перечисленных конституционных терминов.

С позитивистской точки зрения Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает конституционное понимание брака как союза мужчины и женщины (ст. 72, п. «ж», ч. 1, Конституции Российской Федерации) и сложившихся в обществе представлений о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации) [15].

В-пятых, системность прослеживается в том, что родовидовые признаки, отличающие конституционные термины, излагаются посредством специальных, в том числе конституционных понятий, присутствующих в соответствующих определениях. Этот вывод прослеживается в Постановлении от 27.01.1999 г. № 2-П, где Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал дефиницию понятия «система федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти», под которым, по его мнению, следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов.

Отметим, что подобную функцию Конституционный Суд Российской Федерации выполняет и в отношении лексических форм, содержащихся в отраслевых источниках права, используя при этом присущую им специальную терминологию.

К примеру, в Постановлении от 19.04.2016 г. № 12-П [16] в контексте конституционных установлений раскрывается понятие колонии-поселения, которое, как отмечает Конституционный Суд, представляет собой исправительное учреждение с по-

лусвободным режимом отбывания наказания, где отбывание наказания характеризуется существенно меньшим объемом ограничений по сравнению с другими видами исправительных учреждений.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 г. [17] вносится точность и ясность в конституционное понимание добросовестного приобретателя применительно к недвижимому имуществу в контексте п. 1 ст. 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Таким, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права.

Конституционный Суд Российской Федерации, выявляя должное конституционно-правовое содержание оспариваемых нормативных правовых актов (нормативных правовых предписаний, элементов нормативных правовых предписаний), не только обеспечивает конституционализацию отраслевых норм, но и осуществляет конкретизирующее отраслевое правовое регулирование большего или меньшего объема.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросам конституционного понимания формы и содержания конституционной и отраслевой юридической терминологии, а также вопросам их системности, способствует распространению регулирующего воздействия конституционных норм на разные сферы (группы) общественных отношений, отрасли и институты права.

Литература:

1. Акопов Л.В., Сизько И.А., Линкин В.Н. Конституционное право Российской Федерации: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2022. 213 с.
2. Анцифиров А.В. Вопросы самостоятельности конституционной терминологии (Бланкетные (?) конституционные нормы) // Право и политика. 2017. № 8. С. 24–36.

3. Урматова А.Д., Рыспаева Г.С. Юридическая терминология // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 9. С. 318–324.
4. Барихин А.Д. Большая юридическая энциклопедия [Электронный ресурс]: более 30000 терминов и определений. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
5. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 с.
6. Черкаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
7. Корниевская Т.К. Термин как объект исследования в лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5 (ч. 1). С. 234–237.
8. Толстик В.А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
9. Гунич С.В. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 41–53.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт г), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции РФ». URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27011999-n/> (дата обращения: 09.12.2024 г.).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Российская газета. 2014. № 6.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции РФ» // СПС Консультант Плюс.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиев» // СПС Гарант.
15. Постановление Конституционного Суда РФ 29.06.2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29062021-n-30-p-po/>
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчуглов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС Гарант.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС Гарант.

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Ensuring the Consistency of Constitutional Terms

Khabibullin A.R.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which, in the author's opinion, plays a key role in the systematization of constitutional terms, as well as ensuring the constitutionalization of legal terminology. The purpose of the study is to identify the theoretical and practical aspects of the consistency of constitutional terms. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of interrelated tasks: to reveal the main forms of manifestation of the consistency of constitutional terms, to define the content of the concept of "constitutional term", as well as to establish their main varieties. As a result of the research, the author's concept of "constitutional term" was proposed, their main varieties (single-component, multicomponent) were substantiated, and the main signs of their consistency were identified.

Keywords: legal term, constitutional term, consistency of constitutional terms, Constitutional Court of the Russian Federation